

ИСТОРИЯ СВОБОДЫ В АНТИЧНОСТИ

Джон Актон

The History of Freedom in Antiquity. Публикуется по изданию, Acton J. E. E. History of Freedom and other Essays. L., 1907.

Всем известно знаменитое высказывание: "Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно". Однако мало кто знает, что это высказывание принадлежит английскому историку Дж. Актону, одному из интереснейших и своеобразных мыслителей либерального направления.

Джон Эммерих Эдвард Дальберг, лорд Актон (1834—1902) родился в Неаполе в семье католика-эмигранта, покинувшего родину по конфессиональным соображениям. Получив образование в Мюнхене, Актон вернулся в Англию с миссионерской целью, поднять в стране престиж римско-католической церкви, способствовать либеральному обновлению последней. Одновременно Актон включился в политическую деятельность, в 1859 г. он был избран членом парламента от либеральной партии, а в 1869 г. стал пэром Англии.

Актон по праву считается одним из наиболее значительных историков политики, хотя он не основал своей школы и даже не написал ни одной книги. Главный труд его жизни — "История свободы" — остался незаконченным. Литературное наследие Актона состоит из многочисленных рецензий, статей и эссе, впоследствии сведенных в несколько сборников. Тем не менее его авторитет среди ученых-гуманитариев своего времени был огромным, "Вы тот, кого мы все должны стараться слушаться", — писал, обращаясь к Актону, первый редактор "English Historical Review". В 1895 г. Актон был назначен профессором Кембриджского университета, студентом которого ему в молодости не довелось стать из-за принадлежности к римско-католической церкви. В Кембридже Актон разработал план многотомного исследования истории (знаменитая ныне "Cambridge Modern History"). Первый том этого издания, составленный при непосредственном участии Актона, вышел в свет в 1902 г.

Взгляды Актона занимают особое место в духовном движении Нового времени. Некоторые считают его одним из ведущих идеологов либерализма, другие — величайшим "нелиберальным" мыслителем либерального века. На самом деле он не был ни тем, ни другим. Правоверный католик, Актон пытался примирить либерализм с католицизмом, идею свободы с идеей Божественного Провидения. В итоге им был выработан оригинальный взгляд на понятия свободы, прогресса, нравственности. Оставаясь в рамках либеральной традиции, концепция Актона не сводима к классической либеральной, чем она и привлекает современных исследователей.

Публикуемая ниже работа — лекция, прочитанная Дж. Актоном в Бриджнортонском университете 26 февраля 1877 г. В ней в наиболее законченном виде отражены представления мыслителя о мощном потенциале идеи свободы, о ее институциональных воплощениях, а также его концепция революционного переворота в политической сфере, воплощенного в Новом Завете. *

* "Публикация подготовлена канд. филос. наук М. А. Абрамовым, И. В. Борисовой и к. и. н. Л. А. Галкиной.

Свобода является наиболее сильным после религии мотивом добрых дел и самым распространенным предлогом для совершения преступлений с тех пор, как две тысячи четыреста шестьдесят лет назад в Афинах были посеяны ее семена, и вплоть до наших дней, когда мы начали пожинать созревший урожай. Свобода — изысканный плод зрелой цивилизации: не прошло еще и ста лет с того момента, как Пароды, знающие значение этого слова, решили стать свободными. Во все века прогресс свободы тормозился ее естественными врагами — невежеством и предрассудками, страстью к завоеваниям и любовью к праздности, стремлением к власти, характерным для сильных, и жадной хлеба, присущей бедным. Нередко она бывала под полным запретом, — когда народы освобождались от варварства и завоевателей, а постоянная борьба за существование, лишая людей всякого интереса и понимания политики, заставляла их охотно продавать свое первородство за чечевичную похлебку, не осознавая, от какого сокровища они отказываются. Во все времена искренние друзья свободы были редкостью, ее триумфы обязаны своим происхождением меньшинствам, которые добивались превосходства благодаря объединению с теми, чьи цели нередко расходились с их собственными; такие союзы, всегда опасные, иногда оказывались и гибельными, поскольку давали противникам свободы веские основания выступать против нее и разжигали спор о дележе добычи в час победы. Но ни одно из препятствий на пути ее распространения не было столь постоянным и трудно преодолимым, как неясность и путаница в вопросе о природе истинной свободы. Если враждебные интересы нанесли свободе огромный ущерб, то еще больший вред принесли ей ложные идеи, и ее прогресс в той же степени запечатлен в росте знания, как и в совершенствовании

законов /.../. Под свободой я подразумеваю гарантию того, что каждый человек, когда он делает то, что считает своим долгом, будет огражден от влияния со стороны властей и большинства, обычаев и мнений. Государство правомочно налагать обязанности и проводить линию между добром и злом только в своей непосредственной сфере. За пределами того, что необходимо для его благополучия, оно может только оказывать косвенную помощь в каждодневной битве жизни, способствуя распространению преодолевающих соблазны влияния — религии, образования и распределения богатства. В древности государство присваивало себе не принадлежавшие ему полномочия и вторгалось в сферу личной свободы. В средние века его власть была слишком мала и оно позволяло другим вторгаться в свою сферу. Современные государства обычно впадают в обе крайности. Самое надежное мерило, с помощью которого мы определяем, действительно ли свободна та или иная страна, — это уровень защищенности меньшинства. С этой точки зрения свобода есть важнейшее условие религии и ее охранительница, и, соответственно, первые иллюстрации, касающиеся темы нашего разговора, мы находим в истории Избранного народа.

Формой государственного устройства израильтян была федерация, объединенная не политической властью, а единством рода и веры, и основанная не на физическом принуждении, а на добровольном согласии. Принцип самоуправления проводился не только в каждом племени, но и в каждой группе, состоящей из 120 или более семей, и не существовало ни привилегий, связанных с положением в обществе, ни неравенства перед законом. Монархия была столь чужда первобытному духу общности, что ей воспротивился пророк Самуил, высказав те важнейшие возражения и предостережения против нее, справедливость которых постоянно находила подтверждение в истории всех азиатских и многих европейских монархий. У израильтян трон был воздвигнут по соглашению, и царь был лишен права издавать законы для народа, который не признавал никакого законодателя, кроме Бога, и чьей высочайшей целью в политике было восстановить конституцию в ее изначальной чистоте и сделать свое правительство сообразным идеальному типу, освященному санкцией небес. Нескончаемая череда людей, вдохновленных пророчеством, направленным против узурпаторов и тиранов, постоянно провозглашала, что законы, которые от Бога, стоят выше грешных правителей и, минуя власти предержавшие, — царя, священников, князей, — взывала к целительным силам, дремлющим в неиспорченном сознании масс. Таким образом, пример еврейского народа наметил два параллельных пути, по которым с тех пор шло завоевание свободы: доктрину национальной традиции в доктрину высшего закона; принцип, согласно которому конституция постепенно вырастает из своего корня, являясь результатом процесса его развития, а не сущностного изменения, и принцип, по которому все политические власти должны оцениваться и преобразовываться в соответствии со сводом законов, установленных не человеком. Влияние этих принципов, действующих в унисон или в противовес друг другу, пронизывает все то пространство, по которому мы сейчас вместе пробираемся.

Конфликт между свободой, под властью Господней, и абсолютизмом человеческих властей окончился трагически. В 662 г. в Иерусалиме была предпринята последняя попытка преобразовать и сохранить государство. Первосвященник вынес из храма Иеговы книгу заброшенного, позабытого закона, и обе стороны, царь и народ, связали себя торжественной клятвой соблюдать его. Но этот ранний пример ограниченной монархии и верховенства закона не имел ни продолжения, ни распространения, поэтому силы, с чьей помощью завоевывалась свобода, следует искать в каком-то другом месте. Еще в том самом 586 г., когда поток азиатского деспотизма захлестнул город, бывший и которому суждено было снова стать прибежищем свободы на Востоке, новая обитель была подготовлена для нее на Западе, где, защищенное морем, горами и доблестными сердцами, и возросло это величавое древо, под сенью которого мы живем и которое так медленно и все-таки так уверенно тянет свои мощные ветви, простираясь надо всем цивилизованным миром.

Согласно знаменитому высказыванию известнейшей писательницы континента (1), свобода существует издревле, деспотизм же — нов. Современные историки могут гордиться тем, что они реабилитировали эту максиму. Героический век Греции подтверждает ее истинность, и еще в большей степени это относится к тевтонской Европе. Повсюду, где мы можем проследить раннюю пору жизни арийских народов, мы находим зачатки того, что при благоприятных обстоятельствах и усердном возвращении могло бы развиваться в свободные общества. Арийцам присуще определенное чувство причастности к общественным делам, они проявляют мало почтительности к внешней власти и не имеют достаточного представления о функциях государства и о его верховенстве. Там, где разделение собственности и труда не завершено, там нет четкого разделения классов и власти. Пока общества не испытали на себе воздействие сложных проблем цивилизации, они могут избежать деспотизма точно так же, как общества, не расколотые религиозными различиями, избегают гонений. В целом же, когда заявили о себе трудности и искушения усложняющейся жизни, свойственные патриархальной эпохе формы не смогли противостоять росту абсолютистских государств; и, если не считать одного замечательного исключения, на котором я сегодня не буду останавливаться, их следы вряд ли можно обнаружить в институтах более позднего времени. За шестьсот лет до рождения Христа господство абсолютизма было безграничным. В странах Востока его опорой служили жрецы, чье влияние оставалось неизменным, и армии. На Западе, где не было священных книг, требовавших искусных толкователей, жрецы не обладали столь огромной силой, и когда цари были свергнуты, их власть перешла к родовой знати. За этим последовало длившееся на протяжении жизни многих поколений безжалостное господство класса над классом, угнетение бедных богатыми и невежественных — знающими. Дух этого господства нашел страстное выражение в стихах поэта-аристократа Феогида (2), человека одаренного и утонченного, который открыто признавался в том, что жаждет напиться крови своих политических противников. Население многих городов искало избавления от угнетателей в менее нетерпимой тирании революционных узурпаторов. Подобное лекарство придало злу новые энергии и очертания. Тиранами бывали люди удивительных способностей и достоинств, вроде некоторых из тех, кто в XIV в. захватил власть над итальянскими городами; однако прав, обеспеченных равными для всех законами и разделением властей, нигде не существовало.

От этого всеобщего вырождения спасли мир наиболее одаренные народы. Афины, которые подобно другим городам были подавлены и угнетены привилегированным классом, избежали насилия и поручили Солону (3) пересмотреть их законы. Это был наиболее счастливый выбор из тех, память о которых сохранила история. Солон был не только самым мудрым человеком в Афинах, но и наиболее значительным политическим гением античности, и легкая, бескровная и мирная революция, при помощи которой он завершил освобождение своей страны, была первым шагом в деятельности, прославляемой нашим веком и положившей начало власти, сделавшей для восстановления общества больше, чем что-либо другое, за исключением богооткровенной религии. Правящий класс обладал правом издавать законы и руководить их исполнением, и Солон сохранил за ним это право, только передал богатству то, что было привилегией рождения. Богатых, которые одни имели средства, чтобы вынести тяготы общественной службы в виде налогов и оплаты военных расходов, Солон наделил властью, пропорциональной изымаемым у них средствам. Беднейшие классы были освобождены от прямых налогов, но не могли занимать государственные должности. Солон предоставил им право голоса при выборах магистратов из вышестоящих классов и право требовать у них отчета. Эта уступка, внешне такая незначительная, стала началом глубоких перемен. Она ввела в употребление идею о том, что человек должен иметь голос при выборе тех, чьей честности и мудрости он вынужден доверить свою судьбу, свою семью и свою жизнь. И эта идея полностью преобразила представление о человеческой власти, ибо положила начало царству морали, в котором политическая власть зависит от нравственной силы. Управление путем согласия пришло на смену

управлению путем принуждения, и пирамида была перевернута с головы на ноги. Сделав каждого гражданина блюстителем собственных интересов, Солон допустил в государство элемент демократии. Величайшая слава правителя, говорил он, заключается в создании народного правительства. Считая, что ни одному человеку нельзя полностью доверять, он поставил каждого, кто отправлял власть, под неусыпный контроль тех, для кого тот правил.

Единственный известный к тому времени способ борьбы с политическими беспорядками заключался в концентрации власти. Солон попытался достичь того же самого путем разделения властей. Он предоставил простому народу столько влияния, сколько, по его мнению, тот способен был использовать с тем, чтобы государство могло обойтись без деспотического правления. Сущность демократии, говорил он, заключается в том, чтобы повиноваться не господину, а закону. Солон осознавал, что политические формы не являются окончательными или неприкосновенными и должны приспособляться к реальности. Он столь умело предусмотрел возможность пересмотра своей конституции без перерыва постепенности и утраты стабильности, что многие столетия после его смерти ораторы Аттики приписывали ему и упоминали с его именем все здание афинского права в целом. Направление развития афинского права было определено фундаментальной доктриной Солона, гласящей, что политическая власть должна быть пропорциональна общественной службе. В ходе Персидской войны институты демократии затмили учреждения патрицианских режимов, ибо флот, который изгнал азиатов из Эгейского моря, был укомплектован беднейшими афинянами. Тот класс, чья доблесть спасла государство и сохранила европейскую цивилизацию, добыл право увеличить свое влияние и привилегии. Государственные должности, до тех пор — монополия богатых, были открыты для бедняков, и чтобы обеспечить им получение их доли власти, все эти должности, кроме самых высших, стали распределяться по жребию.

Во времена, когда древние формы организации власти приходили в упадок, еще не было общепринятого мерила нравственного и политического права, которое бы позволило общественному строю сохранять свою прочность на фоне общих перемен. Нестабильность форм угрожала самим принципам управления. Народные верования подтачивались сомнением, однако сомнение еще не открывало путь к знанию. Было время, когда и общественные, и частные обязанности отождествлялись с волей богов. Но это время прошло Паллада, неземная богиня афинян, и бог Солнца, чьи оракулы, вещавшие из храма, расположенного между двойной вершиной Парнаса, сделали очень много для греческой народности, способствовали сохранению возвышенного идеала религии, но когда просвещенные люди Греции научились применять свои блестящие аналитические способности в сфере унаследованных верований, они быстро осознали, что представления о богах искажают жизнь и ослабляют человеческий разум. Нравственность народа уже не могла опираться на народную религию. Моральные наставления, которых более не давали боги, нельзя было найти и в книгах. Не было ни освященного веками свода законов, истолкованного специалистами, ни доктрины, провозглашенной людьми, известными своей святостью, подобно тем учителям далекого Востока, чьи слова все еще управляют судьбой почти половины человечества. Попытка объяснить вещи с помощью тщательных наблюдений и строгих рассуждений началась с уничтожения прежних представлений. Со временем философы Стои и Академии приведут изречения мудрости и добродетели в систему столь последовательную и глубокую, что она существенно упростит задачу христианских священников. Но это время еще впереди.

Эпоха сомнений и перелома, когда греки шли от туманных фантазий мифологии к болезненно яркому свету науки, была веком Перикла (4), и стремление заменить несомненными истинами предписания ослабевшей власти, которое начало тогда поглощать энергию греческого интеллекта, есть величайший момент в светских анналах человечества, поскольку именно ему мы

обязаны, даже с учетом неизмеримого прогресса, достигнутого христианством, значительной долей нашей философии и еще большей частью того политического знания, которым мы обладаем. Перикл, возглавлявший афинское правительство, был первым из политиков, кто столкнулся с проблемой, поставленной перед политическим миром быстрым ослаблением традиций. Ни один из авторитетов в области морали или политики не устоял перед новыми веяниями. Ни чьему руководству нельзя было безоговорочно доверять, не было никаких критериев, опираясь на которые можно было бы контролировать или отвергать убеждения, бытующие в народе. Общепринятые понятия о том, что правильно, могли быть ошибочными, но их не с чем было сверить. В практических делах держателем знания о добре и зле был народ. Поэтому он стал источником власти.

Политическая философия Перикла в этом и состояла. Он решительно выбил все подпорки, которые все еще поддерживали искусственное превосходство богатства. К древней доктрине, связывающей власть с землевладением, он добавил идею равномерного распределения власти, что обеспечивало бы равную безопасность для всех. Такой порядок, когда часть общества правит целым или один класс издаёт законы для другого, он провозгласил тиранией. Упразднение привилегий привело бы лишь к переходу верховной власти от богатых к бедным, если бы Перикл не восстановил равновесие, предоставив право гражданства только коренным афинянам. Благодаря этой мере класс, который мы бы назвали третьим сословием, был сокращен до 14 тысяч граждан и практически сравнялся по численности с высшими слоями. Перикл полагал, что каждый афинянин, пренебрегающий участием в государственных делах, наносит ущерб республике. Чтобы никто не мог быть исключен из жизни общества из-за бедности, он постановил платить беднякам за присутствие на общественных мероприятиях из государственных фондов — ведь, управляя получаемой из провинций данью, он собрал сокровища, превышающие 2 млн. фунтов стерлингов. Орудием его влияния было красноречие. Он правил путем убеждения. Все решалось с помощью аргументов, приводимых в открытом обсуждении, и всякая сила склонялась перед силой ума. Идея о том, что цель конституций заключается не в утверждении господства какой-либо группы интересов, а в предотвращении этого; в равной заботе о сохранении независимости труда и неприкосновенности собственности; в охране богатых от зависти, а бедных от угнетения, знаменует высочайший уровень в искусстве управлять государством, достигнутый в Греции. Эта идея едва ли пережила великого патриота, постигшего ее, и вся последующая история была наполнена попытками опрокинуть баланс сил путем предоставления преимуществ то деньгам, то земле, то количеству. Поколение, пришедшее на смену поколению Перикла, не имело себе равных по талантности. Это было поколение людей, чьи труды в поэзии и красноречии все еще вызывают зависть всего мира, а в истории, философии и политике остаются непревзойденными. Но и оно не породило преемника Перикла, и никто так и не смог поднять скипетр, выпавший из его рук.

Это был достопамятный шаг в развитии народов, когда в афинскую конституцию был включен принцип, гласящий, что каждый интерес должен иметь право и средства отстаивать свою волю. Но для тех, кто потерпел поражение при голосовании, не предусматривалось никакой компенсации. Закон не сдерживал триумф большинства и не ограждал забаллотированное меньшинство от жестокого наказания. Когда всеобъемлющее влияние Перикла иссякло, разгорелся безудержный конфликт между классами, и произошедшее во время Пелопоннесской войны избиение высших слоев общества дало неоспоримое преимущество низшим классам. Неугомонный и пытливый дух афинян побуждал их раскрывать смысл каждого института и следствия каждого принципа, и их конституция прошла путь от младенчества до дряхлости с беспримечной скоростью.

Две человеческие жизни отделяют момент гибели государства от времени, когда впервые, при Салоне, народ был допущен к участию в государственных делах. История Афин являет собой классический пример опасности демократии, действующей в исключительно благоприятных условиях. Ибо афиняне были не только смелыми патриотами, способными на настоящие жертвы, но и наиболее религиозными из греков. Они благоговели перед конституцией, которая дала им процветание, равенство и свободу, и никогда не подвергали сомнению основные законы, упорядочивавшие колоссальную власть народного собрания. Они терпимо относились к значительному разнообразию мнений и великой свободе слова, а их гуманность в отношении своих рабов вызывала негодование даже у наиболее разумных приверженцев аристократии. Поэтому они стали единственным народом античности, чье величие было обусловлено демократическими институтами. Но обладание безграничной властью, которая разъедает совесть, ожесточает сердце и затуманивает разум монархов, оказало свое деморализующее влияние и на прославленную демократию Афин. Плохо быть притесняемым меньшинством, но еще хуже — большинством. Ибо в массах таится резерв скрытой силы, которой, когда она вступает в игру, меньшинство почти не может противостоять. Но абсолютную волю всего народа нельзя обжаловать, от нее не спасешься и не скроешься, по отношению к ней возможна лишь измена. Беднейший и самый многочисленный класс афинян объединил в своих руках законодательную, судебную и отчасти исполнительную власть. Господствовавшая тогда философия учила их тому, что нет такого закона, который бы стоял выше закона государства — законодатель выше закона.

Отсюда следовало, что суверенный народ имеет право делать все, что в его силах, что он не связан никакими нормами, определяющими, что правильно, а что не правильно, но лишь своим собственным суждением о целесообразности. В один прекрасный день собрание афинян объявило абсурдом такое положение дел, когда что-либо могло помешать им делать то, что они хотят. Ни одна из существующих сил не могла их обуздать, и они постановили, что их не должны связывать никакие обязательства и что они не будут подчиняться никаким законам, кроме тех, которые ими же приняты. Таким образом, освобожденный народ Афин стал тираном, и его правительство—пионер европейской свободы — было с поразительным единодушием проклято всеми мудрецами античности. Афиняне погубили свой город, пытаясь руководить военными действиями при помощи дебатов на рыночной площади. Подобно французской республике, они казнили неудачливых своих полководцев. Они столь несправедливо обходились с собственными колониями, что потеряли свою морскую империю. Они грабили богатых, пока те не вступили в сговор с врагами государства. Венцом их злодеяний стала мученическая смерть Сократа (5).

Период неограниченного правления масс продолжался почти четверть века, после чего государству уже нечего было терять, кроме своего существования, и афиняне, усталые и павшие духом, признали истинную причину своего краха. Они поняли, что для достижения свободы, справедливости и одинаковых для всех законов столь же необходимо, чтобы демократия ограничила саму себя, как было необходимо, чтобы она обуздала олигархию. Афиняне решили вновь вернуться к древним установлениям, возродить тот порядок вещей, который существовал, когда монополия на власть была отобрана у богатых, но еще не присвоена бедным. После того, как первая реставрация, — о которой мы помним лишь благодаря тому, что Фукидид (6), чьи суждения о политике всегда безошибочны, провозгласил ее лучшим правлением, какое когда—либо было в Афинах, — закончилась провалом, была предпринята новая попытка, на этот раз более мастерская и более целенаправленная. Враждующие партии примирились и провозгласили первую в истории амнистию. Было решено править сообща. Законы, освященные традицией, были сведены в кодекс, и ни один акт суверенной ассамблеи не имел силы, если он расходился с кодексом. Было проведено четкое различие между священными строками конституции, которая должна оставаться нерушимой, и декретами, отвечавшими на сиюминутные нужды и злободневные требования, и храм закона, возведенный трудом

поколений, стал независимым от преходящих колебаний народной воли. Раскаяние афинян пришло слишком поздно и не могло спасти республику. Но преподанный ими урок сохранится на все времена, ибо он учит, что правление всего народа, будучи правлением самого многочисленного и могущественного класса, есть зло того же порядка, что и неограниченная монархия, и нуждается, почти по тем же самым причинам, в институтах, которые бы защищали его от самого себя и утверждали бы постоянную власть закона, ограждая его от произвольных переворотов во мнениях.

В то же самое время, когда Афины переживали взлет и падение своей свободы, Рим был занят решением тех же проблем, действуя более конструктивно и добившись большего временного успеха, однако в итоге он пришел к гораздо более ужасной катастрофе. То, что в среде искусных афинян было развитием под влиянием чар правдоподобных доводов, обернулось в Риме конфликтом противоборствующих сил. Умозрительная политика не была притягательной для жесткого и практичного духа римлян. Они не задумывались о том, какой из путей преодоления трудностей будет наиболее разумным, путь им подсказывали решения, принимавшиеся в аналогичных ситуациях; они в меньшей степени поддавались влиянию импульса или духа момента, чем примера и прецедента. Своеобразный характер побуждал римлян относить истоки их законов к древним временам и, в своем желании оправдать незыблемость своих учреждений и избавиться от упреков в новаторстве, они придумали легендарную историю царей Рима. Сила их приверженности традиции замедлила их развитие. Римляне продвигались вперед только под давлением едва ли не неизбежной необходимости, и одни и те же вопросы вставали вновь и вновь, прежде чем получали решение. Конституционная история Республики вращается вокруг попыток аристократии, объявившей себя единственными истинными римлянами, удержать в своих руках отобранную у царей власть и попыток плебеев получить равную долю этой власти. И этот спор, который нетерпеливые и неугомонные афиняне разрешили за жизнь одного поколения, в Риме длился более двух столетий — с того времени, когда плебс отстранили от управления городом, обложили налогами и заставили служить бесплатно, и до тех пор, пока в 285 г. не было признано политическое равенство обоих классов. За этим последовало сто пятьдесят лет беспрецедентного процветания и славы, а затем из первоначального конфликта, который был некогда улажен компромиссом, хотя и не решен теоретически, разгорелась новая борьба, оказавшаяся безрезультатной.

Масса беднейших семей, разоренных бесконечной военной службой, оказалась в зависимости от аристократии, состоявшей примерно из двух тысяч состоятельных людей, поделивших между собой огромную территорию государства. Когда нужда стала особенно сильной, Гракхи (7) попытались смягчить ее, убеждая богатые классы раздать какую-то часть общественных земель простому люду. Старая и славная аристократия по происхождению и званию оказала упорное сопротивление, однако ей было знакомо искусство уступать. Более поздняя и более эгоистичная аристократия была не способна его постичь. Ужесточение спора изменило характер народа. Борьба за политическую власть велась с той умеренностью, которой столь славятся партийные споры в Англии. Борьба же за предметы физического существования стала такой же яростной, как гражданские распри во Франции. Разбитые богатыми после двадцатидвухлетней борьбы люди, среди которых было двадцать тысяч триста человек, чье пропитание зависело от государственных пайков, были готовы пойти за всяким, кто пообещает добыть революционным путем все, что они не смогли получить по закону.

Какое-то время сенат, представляющий древний и находящийся под угрозой порядок вещей, был достаточно силен, чтобы побороть любого из ВЫДВИНУВШИХСЯ народных вождей, пока Юлий Цезарь (8), поддержанный армией, которую он провел по беспрецедентному пути побед, и голодными

массами, которые он покорил своей щедрой широтой, и превосходящий всех в искусстве управления, не превратил республику в монархию, осуществив ряд мер, не бывших ни насильственными, ни незаконными.

Империя сохраняла республиканские формы вплоть до воцарения Диоклетиана (9), но воля императоров была столь же бесконтрольной, какой после победы трибунов (10) была воля народа. Власть императоров была деспотичной, даже когда осуществлялась самым мудрым образом, и все же Римская империя внесла больший вклад в дело свободы, чем Римская республика. Я имею в виду не ту историческую случайность, что некоторые императоры употребляли во благо свои колоссальные возможности, как, например, Нерва (11), о котором Тацит (12) говорит, что тот соединил монархию и Свободу, вещи обычно несовместимые, и не то, что империя была высшей ступенью демократии, как заявляют ее апологеты. На самом деле она в лучшем случае была плохо замаскированной и гнусной деспотией. Но Фридрих Великий (13) тоже был деспотом, вместе с тем он был сторонником терпимости и свободной дискуссии. Деспотичными были и Бонапарты, однако же ни один либеральный правитель не был столь любезен народу, как Наполеон I (14), после того, как в 1805 г. он упразднил республику, или как Наполеон III (15) в зените своей власти в 1859 г. Точно так же заслуги были и у Римской империи, и при взгляде со стороны, особенно по прошествии длительного периода времени, эти заслуги производят на людей большее впечатление, чем ужасная тирания, которая ощущалась лишь вблизи дворца. Бедные получили то, что они тщетно требовали от республики. Богатые жили лучше, чем при Триумvirате (16). Права римских граждан были распространены на жителей провинций. К эпохе империи относится лучшая часть римской литературы и почти все гражданское право, и именно империя смягчила рабство, ввела религиозную терпимость, положила начало международному праву и создала законченную систему имущественного права. Республика, которую уничтожил Цезарь, была чем угодно, но только не свободным государством. Она превосходно защищала права граждан, но с диким пренебрежением относилась к правам людей и позволяла свободным римлянам чинить жестокие несправедливости по отношению к собственным детям, должникам и клиентам, заключенным и рабам. Те более глубокие представления о праве и долге, которые не были запечатлены на скрижалях муниципального закона, но с которыми были хорошо знакомы благородные умы Греции, практически не принимались в расчет, и философия, в которой рассматривались подобные теории, неоднократно запрещалась как подстрекательское и нечестивое учение.

Наконец, в 155 г. философ Карнеад (17) прибыл в Рим с политической миссией. В перерыве между официальными встречами он выступил с двумя публичными речами, стараясь привить невежественным завоевателям его страны вкус к диспутам, процветавшим в аттических школах. В первый день он рассуждал о естественной справедливости. На следующий день он отрицал ее существование, доказывая, что все наши представления о добре и зле выведены из установленных законов. С момента этого достопамятного представления гений побежденных держал в рабстве своих победителей. Самые выдающиеся государственные мужи Рима, такие как Сципион (18) и Цицерон (19), воспитывались на греческих образцах, а римские юристы восприняли строгую дисциплину Зенона (20) и Хрисиппа (21).

Если бы, не заглядывая далее второго века, когда стало ощутимым влияние христианства, мы бы попытались составить суждение о политике древности на основе действующего тогда законодательства, то наши оценки не были бы высокими. Господствующие представления о свободе были несовершенными, а попытки реализовать их били мимо цели. Древние лучше понимали упорядочение власти, нежели упорядочение свободы. Они наделили государство таким количеством прерогатив, что уничтожили тот фундамент, опираясь на который человек мог отрицать его юрисдикцию или ограничивать сферу его деятельности.

Пользуясь устаревшим, но выразительным определением, можно сказать, что порок классического государства заключался в том, что оно было одновременно и церковью, и государством. Мораль была неотделима от религии, а политика от морали; в религии, нравственности и политике был только один законодатель и только один авторитет. Государство, хотя и делало плачевно мало для образования, для практической науки, для нуждающихся и беспомощных или для удовлетворения духовных потребностей человека, тем не менее претендовало на использование всех способностей человека и на определение всех его обязанностей. Индивиды и семьи, союзники и колонии были материалом, который верховная власть потребляла в своих целях. Как раб был во власти своего хозяина, так гражданин—во власти общества. Самые священные обязанности меркли перед государственной выгодой. Пассажиры существовали ради корабля. Своим пренебрежением к частным интересам, к нравственному благополучию и усовершенствованию народа и Греция, и Рим разрушили те жизненно важные основы, на которых покоится процветание нации, и были погублены в результате упадка семьи и обезлюдения страны. Они сохранились не в своих учреждениях, а в своих идеях, и благодаря этим идеям, особенно идеям об искусстве управления, они стали "мертвыми, но царственными властителями, которые из своих усыпальниц по-прежнему правят нашими душами". И действительно, к ним восходят почти все ошибки, которые подрывают политическое общество, — коммунизм, утилитаризм, отождествление тирании и власти, беззакония и свободы.

Идея о том, что первоначально люди жили в естественном состоянии, опираясь на насилие и не зная законов, восходит к Критию (22). Коммунизм в его грубейшей форме проповедовал Диоген Синопский (23). Согласно софистам, нет долга, который был бы превыше целесообразности, и нет иной добродетели, кроме удовольствия. Законы являются изобретением слабаков, стремящихся лишить лучших законного наслаждения своим превосходством. Предпочтительнее чинить несправедливость, нежели претерпевать ее, и как нет ничего приятнее, чем причинять зло, не опасаясь возмездия, так нет и худшей беды, чем страдать без надежды на отмщение. Справедливость — это личина трусливого духа, несправедливость есть мирская мудрость, а долг, послушание, самоотверженность — лицемерный обман. Государственная власть абсолютна и способна предписывать все, что пожелает, и ни один подданный не может выражать недовольство ее несправедливостью, но, покуда он в состоянии избегать принуждения и наказания, он всегда волен не подчиняться ей. Счастье состоит в достижении власти и уклонении от необходимости повиноваться, а тот, кто добыл трон с помощью предательства и убийства, достоин искренней зависти.

Эпикур (24) лишь немногим отличается от изобретателей кодекса революционного деспотизма. Все общества, говорил он, основаны на договоре о взаимной защите. Добро и зло — это условные термины, ибо грома небесные поражают как справедливых, так и несправедливых. Преступление плохо не само по себе, а из-за тех последствий, которые оно может иметь для правонарушителя. Мудрые люди придумывают законы не для того, чтобы связать, а для того, чтобы защитить себя; и когда эти законы становятся невыгодными, они теряют силу. Антилиберальные чувства, присущие даже самым прославленным метафизикам, обнаруживаются в высказывании Аристотеля о том, что признаком наихудших форм правления является то, что они предоставляют людям возможность жить так, как им заблагорассудится.

Если вы вспомните, что Сократ, лучший из язычников, не знал более высокого мерила для человека и лучшего руководства в жизни, чем законы каждой страны; что Платон (25), чье величественное учение настолько предвосхищало христианство, что прославленные теологи хотели, чтобы его труды были запрещены, дабы меньше людей пленялось ими и становилось безразличными к другой, более высокой догме, Платон, кому было даровано пророческое видение справедливого человека, обвиненного, осужденного,

подвергнутого бичеванию и умирающего на кресте, тем не менее использовал свой наиболее блестящий из всех дарованных людям интеллект, чтобы выступить за упразднение семьи и оставление детей на произвол судьбы; что Аристотель (26), талантливейший моралист древности, не видел вреда в набегах на соседние народы с целью обращения их в рабство; более того, если вы примете во внимание, что и равные им гении Нового времени выдвигали не менее преступные или абсурдные политические доктрины, то вам станет ясно, насколько прочна та цепь ошибок, которая преграждает путь к истине. Вы поймете, что чистый разум столь же бессилён решить проблему свободного правления, как и обычай; что ее решение может быть только плодом долгого, многообразного и болезненного опыта и что поиск тех средств, с помощью которых божественная мудрость учит народы ценить и признавать обусловленные свободой обязанности, является отнюдь не последней задачей истинной философии, стремящейся

Защищать вечное Провидение

И растолковывать людям пути Господни.

Но, измерив глубину ошибок древних, я дал бы вам абсолютно неверное представление об их мудрости, если бы позволил сложиться впечатлению, что их заповеди были не лучше, чем их действия. В то время как политики, сенаты и народные собрания совершали всевозможные грубые просчеты, возникла и превосходная литература, в которой хранились бесценные сокровища политических знаний и с беспощадной пронизательностью разоблачались пороки существующих институтов. В чем большинство древних было почти единодушно, так это в том, что народ имеет право управлять собой, но не способен делать это в одиночку. Чтобы разрешить сию проблему и обеспечить народу полное участие, но не монополию на власть, древние обычно использовали теорию "смешанной" конституции. Последняя понималась ими иначе, нежели нами, поскольку современные конституции являются средством ограничения монархии, их же конституция была придумана для обуздания демократии. Подобная идея возникла во времена Платона, — хотя сам он и отвергал ее, — когда исчезли ранние монархии и олигархии, и ее продолжали лелеять еще долго после того, как все демократические режимы были поглощены Римской империей. Но если суверенный государь, уступая часть своей власти, делает это под воздействием силового превосходства, то суверенный народ отказывается от собственных прерогатив, повинуюсь велению разума. И во все времена оказывалось, что легче вводить ограничения силой, чем убеждением.

Древние авторы отчетливо понимали, что любой принцип правления, взятый отдельно от других, приводит к крайностям и провоцирует ответную реакцию. Монархия ужесточается и становится деспотией. Аристократия сужается, превращаясь в олигархию. Демократия расширяется до господства масс. Поэтому древние вообразили, что если ограничить каждый из данных принципов путем совмещения его с другими, то это остановит естественный процесс самоуничтожения и дарует государству вечную молодость. Но подобная гармонизация монархии, аристократии и демократии, бывшая идеалом многих авторов и, по их мнению, осуществленная в Спарте, Карфагене и Риме, являлась философской химерой, так и не воплощенной в древности. В конечном итоге Тацит, превосходивший всех мудростью, признал, что "смешанную" конституцию, сколь бы восхитительной она не была в теории, трудно ввести на практике и невозможно сохранить. Его бесстрастное признание не было опровергнуто последующим опытом.

Попытки ввести "смешанную" конституцию предпринимались чаще, чем я могу описать, причем в "смешанные" конституции включались элементы, не известные древним, — христианство, парламентское правление и свободная пресса. Однако ни одна сбалансированная таким образом конституция не

просуществовала хотя бы столетие. Если это и случилось, то только в нашей благословенной стране и в наше время, но мы еще не знаем, как долго мудрость народа сможет удерживать достигнутое равновесие. Федеративный контроль был так же знаком древним, как и конституционный. Ибо все их республики относились к одному и тому же типу. Это были города, управлявшиеся своими жителями, собиравшимися в определенном месте. Управление многими городами сразу было известно им только в форме угнетения, такого угнетения, какое Спарта осуществляла по отношению к Мессении, Афины — по отношению к своим союзникам, а Рим — к Италии. Условий, которые в новое время позволяют большому народу управлять собой из единого центра, тогда не существовало. Равенство могло быть сохранено только с помощью федерализма, и он чаще встречался в древности, нежели в современном мире. Если распределение власти между несколькими частями государства является самым эффективным средством ограничения монархии, то разделение власти между несколькими государствами — лучший способ обуздать демократию. Увеличивая число центров управления и обсуждения, оно способствует распространению политического знания и сохранению здравых и независимых мнений. Это — защита меньшинств и освящение самоуправления. Но хотя создание такой формы государственного устройства следует отнести к лучшим достижениям практического гения древности, она возникла как результат необходимости, и ее свойства не были достаточно полно исследованы в теории.

Когда греки начали размышлять о проблемах общества, они прежде всего приняли все как есть и сделали все возможное, чтобы объяснить и защитить сложившееся положение вещей. Если у нас толчком к исследованию является сомнение, то у древних все началось с изумления. Самый блестящий из ранних философов, Пифагор (27), обнародовал теорию сохранения политической власти в руках образованного класса, облагородив форму правления, которая обычно основывалась на невежестве народа и сильно выраженных классовых интересах. Он прославлял власть и субординацию и больше говорил об обязанностях, чем о правах, о религии, чем о политике, и его система погибла во время революции, сметшей олигархов. Впоследствии революция создала свою собственную философию, о крайностях которой я уже говорил.

Но между двумя эпохами, между строгой дидактикой раннего пифагорейства и туманными теориями Протагора (28), появился философ, который стоял в стороне от обеих крайностей и чьи сверхсложные изречения так и не были по-настоящему поняты и оценены вплоть до нашего времени. Гераклит (29) из Эфеса хранил свою книгу в храме Артемиды. Книга погибла вместе с кремлем и культом этой богини, но ее фрагменты были собраны и с невероятным рвением истолкованы учеными, богословами, философами и политическими деятелями, в наибольшей степени вовлеченными в труды и заботы нашего столетия. Самый известный логик прошлого века принял каждое из ее положений (30), а самый блестящий агитатор среди социалистов континента посвятил памяти Гераклита труд в восемьсот сорок страниц (31).

Гераклит сетовал, что массы глухи к истине и не знают, что один добродетельный человек стоит тысяч; однако он без суеверного почтения относился к существующему порядку. Борьба, говорил он, источник и владыка всех вещей. Жизнь есть постоянное движение, а покой — смерть. Никто не может дважды войти в один и тот же поток, поскольку он все время течет и изменяется, никогда не оставаясь прежним. Единственное, что остается неизменным и определенным в гуще изменений, — это всеобщий и высший разум, который присущ всем людям, хотя и не все могут его постичь. Законы опираются не на человеческую власть, а происходят из единого божественного закона. Эти высказывания, которые вызывают в памяти величественные принципы политической истины, содержащейся в Священном Писании, и подводят нас к самым последним достижениям наших наиболее просвещенных современников, в немалой степени еще нуждаются в разъяснении и толковании. Гераклит, к

несчастью, столь темен, что даже Сократ не смог понять его, и я не буду делать вид, что преуспел в этом лучше, чем он.

Если бы темой моего выступления была бы история политической науки, то высочайшее и значительнейшее место в нем принадлежало бы Платону и Аристотелю. "Законы" одного и "Политика" другого являются, если верить моему собственному опыту, теми книгами, из которых мы больше всего узнаем о принципах политики. Глубина, с которой эти великие мыслители проанализировали институты Греции и разоблачили их пороки, не была превзойдена в последующей литературе ни Бёрком (32) или Гамильтоном (33) — лучшими политическими исследователями прошлого века, ни Токвилем (34) или Рошером (35) — самыми выдающимися авторами нашего столетия. Но Платон и Аристотель были философами, изучавшими не свободу как таковую, а разумное правление. Они видели пагубные последствия ложно направленного стремления к свободе, и решили, что лучше и не стремиться к ней, а довольствоваться сильной властью, предусмотрительно приспособленной к тому, чтобы делать людей зажиточными и счастливыми.

Однако свобода и хорошее правление не исключают друг друга, и есть очень веские причины, почему они должны идти рука об руку. Свобода — это не средство достижения какой-то высшей политической цели. Она сама есть высшая политическая цель. И она необходима не ради того, чтобы было хорошим государственным управлением, но как гарантия безопасности в поиске высших целей гражданского общества, а также частной жизни. Увеличение объема свободы в государстве может иногда поощрять посредственность и оживлять предрассудки; оно может даже замедлить введение полезных новшеств в области права, ослабить обороноспособность и сузить границы империи. Можно вполне убедительно доказать, что, установись в Англии или Ирландии разумный деспотизм, там многое бы ухудшилось, но кое-что все—таки бы улучшилось и что Римское правительство при Августе (36) и Антонине (37) было более просвещенным, чем в годы правления сената при Марии (38) или Помпее (39). Благородный дух предпочитает, чтобы его страна была бедной, слабой и не имеющей политического веса, но свободной, а не мощной, процветающей, но поработанной. Лучше быть гражданином скромной республики в Альпах, лишенной перспективы широкого влияния, чем подданным помпезного самодержавия, окутавшего половину Азии и Европы. С другой стороны, мне могут возразить, что свобода — это не сумма и не заменитель всего того, ради чего должны жить люди; что дабы стать реальной, она должна быть ограниченной, и что пределы, в которых она допустима, меняются; что по мере своего развития цивилизация облакает государство все возрастающими правами и обязанностями, и налагает на подданных все большие тяготы и ограничения; что высокообразованное и разумное общество может постичь полезность принудительных обязанностей, одна мысль о которых на низшей стадии была бы невыносима; что прогресс либерализма не является смутным и неопределенным, но имеет своей целью такое общество, в котором не было бы ограничений, за исключением сочтенных для себя полезными народом; что свободная страна способна меньше сделать для развития религии, предотвращения зла или облегчения страданий, чем та, которая не боится посмотреть в лицо великим переменам, принося в жертву некоторые права личности и усиливая концентрацию власти; и что высшую политическую цель следует иногда отложить ради еще более высоких моральных целей. Мои доводы не противоречат этим уточняющим рассуждениям. Мы рассматриваем не следствия свободы, а ее причины. Мы заняты поиском тех авторитетов, которые ставили под контроль деспотическое правительство либо с помощью разделения властей, либо путем апелляции к власти, стоящей надо всеми правительствами, и среди этих авторитетов величайшие философы Греции занимают достойное место.

Это стоики освободили человечество от подчинения деспотической власти, их просвещенный и возвышенный взгляд на жизнь перебросил мост через бездну,

отделяющую античное государство от христианского, и проложил дорогу к свободе. Видя, сколь мало можно полагаться на то, что законы любой из стран будут мудры и справедливы, и понимая, что единодушная воля народа и согласие народов не застрахованы от ошибок, стоики смотрели поверх этих узких барьеров и низших санкций в поисках принципов, которые должны регулировать жизнь людей и существование общества. Благодаря им стало известно, что есть высшая воля, превосходящая коллективную волю людей, и закон, который превышает законов Солона и Ликурга (40). Критерием хорошего правления являлось для них его соответствие принципам, источник коих — высший законодатель. То, чему мы должны повиноваться, к чему должны свести все гражданские власти, чему должны принести в жертву всякий земной интерес, — есть неизменный закон, совершенный и вечный как сам Бог, проистекающий из Его природы и правящий небесами, землей и всеми народами.

Великая проблема состоит в том, чтобы понять не то, что предписывают правительства, а то, что им следует предписывать; ведь никакое предписание не имеет законной силы, если идет против совести человечества. Пред Богом нет ни эллина, ни варвара, ни богатого, ни бедного и раб столь же хорош, как и хозяин, ибо от рождения все люди свободны, все они граждане того вселенского сообщества, которое охватывает весь мир, все они — члены одной семьи, дети Господни. Истинным поводом нашим является не внешняя власть, но глас Божий, который входит в наши души, знает все наши мысли и которому мы обязаны всеми известными нам истинами и всем творимым нами добром; ибо порок есть проявление нашей воли, а добродетель исходит из благоволения Духа небесного.

Философы, впитавшие возвышенную этику Стои, так излагали то, чему учит глас Божий. Недостаточно действовать по писанному закону или воздавать всем людям должное; мы должны воздать им больше того, чего они достойны, мы должны быть великодушными и благотворящими и посвятить себя благу других, видя вознаграждение в самоотречении и самопожертвовании, действуя из сострадания, а не из личной выгоды. Поэтому мы должны относиться к другим так, как мы бы хотели, чтобы они относились к нам, и до последнего вздоха упорно продолжать делать добро врагам нашим, невзирая на обиды и неблагодарность. Ибо мы должны сражаться со злом и быть в мире с людьми, ведь страдать лучше, чем вершить несправедливость. Истинная свобода, говорит самый красноречивый из стоиков, состоит в повиновении Богу. Мера свободы в государстве, руководствующемся подобными принципами, намного превосходила бы меру свободы у греков и римлян, ведь эти принципы открывают дверь веротерпимости и захлопывают ее перед рабством. Ни завоевание, ни покупка, говорил Зенон, не могут сделать одного человека собственностью другого.

Эти доктрины были приняты и использованы великими юристами империи. Закон природы, говорили они, стоит выше писанных законов, а рабство противоречит закону природы. Люди не имеют права делать все, что хотят, не считаясь с другими, и не должны извлекать прибыль из чужих потерь. Такова политическая мудрость древних в том, что касается основ свободы, и мы видим ее в наиболее сложившемся виде у Цицерона, Сенеки (41) и Филона Александрийского (42). Их сочинения поражают нас величиим проделанной ими подготовительной работы к Евангелию, завершенной людьми накануне миссии Апостолов. Св. Августин (43), процитировав Сенеку, восклицает: "Что может добавить христианин к тому, что сказано этим язычником?" Просвещенные язычники вплотную приблизились к конечной точке, достижимой без помощи новой божественной милости, когда подошло надлежащее время. Мы видели широту и великолепие эллинской мысли, и она привела нас на порог более великого царства. Лучшие из поздних классиков говорили едва ли не христианским языком и соприкоснулись с духом христианства.

Но во всем том, что я мог почерпнуть из классической литературы, не хватает трех вещей — представительного правления, освобождения рабов и свободы совести. Существовали, правда, совещательные собрания, избранные народом, а города, объединившиеся в конфедерации, которых было так много и в Азии, и в Африке, посылали своих делегатов в федеративные советы. Но правление выборного парламента не было известно даже в теории. Определенная доля терпимости соответствует самой природе политеизма. И Сократ, когда он открыто провозглашал, что должен повиноваться скорее Богу, чем афинянам, и стоики, ставившие мудрого человека над законом, очень близко подошли к формулированию принципа терпимости. Однако он был впервые провозглашен и узаконен не в политеистической и философической Греции, но в Индии древнейшим из буддийских царей Асокой (44) за двести пятьдесят лет до рождения Христа.

Рабство, в гораздо большей степени, чем нетерпимость, было вечным проклятием и позором античной цивилизации. Хотя его правомочность оспаривалась уже во времена Аристотеля и в подтексте, если не явно, отвергалась некоторыми из стоиков, нравственная философия греков и римлян, равно как и их реальная жизнь, решительно говорили в его пользу. Однако был один необыкновенный народ, который в этом вопросе, как и в других, предвосхитил грядущую более совершенную заповедь. Филон из Александрии относится к авторам, придерживавшимся наиболее прогрессивных взглядов на общество. Он одобрял не только свободу, но и равенство в обладании богатством. Он был убежден, что ограниченная демократия, очищенная от наиболее грубых составляющих, есть самое совершенное правление, которое постепенно распространится по всему свету. Под свободой он понимал следование Божьей воле. Филон, хотя и считал необходимым, чтобы положение раба было приведено в соответствие с нуждами и требованиями его более высокой сущности, не осуждал рабство безусловно. Но он описал обычай палестинских ессеев (45), людей, которые, соединив мудрость неевреев с иудейской верой, вели жизнь, не оскверненную пагубным влиянием окружающей их цивилизации, и первыми отвергли рабство и принципиально, и на практике. Они создали скорее религиозную общину, чем государство, и их численность не превышала 4000 человек. Но их пример, хотя и был решительно осужден современниками, свидетельствует о том, каких высот в понимании общества могли достичь религиозные люди даже без помощи Нового Завета.

Вот, наконец, и тот вывод, к которому подводит нас наш обзор. Едва ли есть такая истина в политике или в системе прав человека, которую бы не постигли мудрейшие из язычников и иудеев, которую бы они не возвестили с утонченностью мысли и благородством выражения, так и не превзойденными более поздними авторами. Я могу часами цитировать пассажи о законе природы и обязанностях человека, столь торжественные и благочестивые, что, хотя они звучали со сцены языческого театра на Акрополе и с Римского форума, вам будет казаться, что вы внимаете гимнам христианской Церкви и речам посвященных в духовный сан богословов.

Но хотя максимы великих учителей античного мира, Софокла (46), Платона и Сенеки, а также славные примеры государственной добродетели были у всех на устах, они были не в силах предотвратить гибель той цивилизации, ради которой понапрасну проливалась кровь стольких патриотов и тратился гений таких несравненных писателей. Свобода древних народов была растоптана безысходным и неизбежным деспотизмом, а их жизнеспособность иссякла, когда из Галилеи пришла новая сила, дав все, чего не доставало человеческому познанию, дабы спасти общества, равно как и людей.

С моей стороны было бы самонадеянно пытаться определить все те бесчисленные каналы, по которым влияние христианства постепенно пропитывало государство. Прежде всего поражает, как много потребовалось

времени, чтобы стало явным то движение, которому суждено было стать столь влиятельным. Идя ко всем народам, народам, находившимся на различных ступенях развития цивилизации и использовавшим практически все из возможных форм правления, христианство не имело ничего общего с политической проповедью и в своей всепоглощающей миссии, обращенной к индивидам, не оспаривало prerogatives государственной власти. Ранние христиане избегали контактов с государством, воздерживались от государственной службы и даже неохотно служили в армии. Оберегая свое гражданство в царстве не от мира сего, они приходили в отчаяние от империи, которая казалась слишком мощной, чтобы ей можно было сопротивляться, и слишком развращенной, чтобы ее можно было обратить в истинную веру; от империи, институты которой—труд и гордость бесчисленных веков язычества — были санкционированы богами, представлявшимися христианам дьяволами, чьи руки из века в век обгазились кровью мучеников; от империи, которая не оставляла надежд на возрождение и была обречена на гибель. Их благоговейный страх был так велик, что падение государства казалось им концом церкви и мира, и никто и не мечтал о том будущем безграничном духовном и социальном влиянии, которое их религии было суждено приобрести среди расы разрушителей, униживших и сокрушивших империю Августа и Константина (47). Обязанности правительства занимали их мысли меньше, чем личные добродетели и долг подданных, и прошло много времени, прежде чем они в своей вере осознали бремя власти. Почти до времен Хризостома (48) они и не задумывались о необходимости освобождения рабов.

Хотя лежащая в основе политической экономии доктрина самоотречения и необходимости полагаться исключительно на свои силы столь же четко сформулирована в Новом Завете, как и в "Богатстве народов" (49), она не была признана вплоть до нашего века Тертуллиан (50) хвастался пассивным повиновением христиан. Мелито (51) писал языческому императору так, словно тот не был способен отдать несправедливое указание, а в христианские времена Опат (52) считал, что всякий, кто пытается найти недостатки в своем суверене, возносит себя почти на уровень Бога. Но этот политический квиетизм не был всеобщим. Ориген (53), даровитейший писатель раннего периода, с одобрением говорил о заговорах с целью низвержения тирании.

После IV в. выступления против рабства стали настойчивыми и постоянными. В теологическом, но в то же время и в содержательном смысле богословы II столетия настаивали на свободе, а богословы IV в. — на равенстве. В политике произошло одно существенное и неизбежное изменение. Существовали народные формы правления, так же как и смешанные и федеральные, но не было ограниченного правления, не было государства, сфера власти которого определялась бы силой, стоящей вне его. Это была огромная проблема, поднятая философией, но которую не мог решить ни один государственный деятель. Те, кто говорил о содействии высшей власти, действительно воздвигали метафизический барьер перед правительствами, но они не знали, как сделать его реальным. Единственное, что мог предпринять Сократ в качестве протеста против тирании преобразованной демократии, — это умереть за свои убеждения. Стоики могли лишь посоветовать мудрому человеку держаться подальше от политики, храня неписанный закон в своем сердце. Но когда Христос сказал: "Воздайте Кесарю кесарево, а Богу Богово", — эти слова, произнесенные во время Его последнего посещения Храма за три дня до Его смерти, наделяли гражданскую власть, с учетом велений совести, неприкосновенностью, какой она никогда не обладала, и накладывали на нее ограничения, которых она никогда не признавала. Эти слова были отречением от абсолютизма и торжественным возведением на трон свободы. Ибо наш Господь не только оставил нам заповедь, но и создал силу, способную ее исполнить. Поддержание необходимой свободы в одной высшей сфере, введение всякой политической власти в четко определенные пределы перестали быть лишь страстной мечтой неисправимых умников и стали предметом постоянного внимания и заботы со стороны самого мощного института и наиболее всеобъемлющего объединения в мире. Новый закон, новый дух, новая власть придали свободе то значение и ценность, которые отсутствовали в

философии и в конституциях Греции и Рима до того, как была познана истина, сделавшая нас свободными.

1. Речь идет об Анне Луизе Жермене де Сталь (1766—1817), знаменитой французской писательнице, авторе романов "Дельфина", "Корина", книги "О Германии" и т. д. Ею была высказана немалая часть тех фундаментальных политических, литературных и нравственных идей, на которые опирался XIX в.

2. Феогнид — древнегреческий поэт-лирик 2-ой половины VI в. до н. э.

3. Солон (между 640—635 — ок. 559 до н. э.) — афинский политический деятель и социальный реформатор. Греческая традиция включает его в число семи первых мудрецов.

4. Перикл (ок. 490—429 до н. э.) — афинский стратег (444—429), политический деятель и реформатор.

5. Сократ (470/469—399 до н. э.) — древнегреческий философ, родоначальник философской диалектики, идеал мудреца в глазах потомков.

6. Фукидид (460—396 до н. э.) — афинский историк.

7. Гракхи, Тиберий (162—133 до н. э.) и Гай (153—121 до н. э.) — политические деятели древнего Рима, инициаторы земельной реформы

8. Цезарь Гай Юлий (102 или 100—44 до н. э.) — древнеримский государственный деятель, полководец и писатель. С 49 г. до н. э. возглавлял Римское государство

9. Диоклетиан Гай Аврелий Валерий (243 — между 313—316) — римский император (284—305).

10. Трибуны — с 494 г. до н. э. высшие выборные должностные лица древнего Рима из плебеев, обладавшие правом накладывать вето на решения патрицианских магистратов и сената. В эпоху империи носителями трибунской власти стали императоры.

11. Нерва Марк Кокцей (30 или 35—98) — римский император с 96 г.

12. Тацит Публий Корнелий (ок. 58 — после 117) — древнеримский историк, автор "Истории" и "Анналов".

13. Фридрих Великий (1712—1786) — прусский король с 1740 г., полководец.

14. Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — французский государственный деятель и полководец, первый консул Французской республики (1799—1804), император (1804—1815).

15. Наполеон III — Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808—1873), французский император (1852—1870)

16. Триумвират I (ок. 60—53 до н. э.) — соглашение между тремя ведущими политическими деятелями древнего Рима — Ю. Цезарем, Г. Помпеем и М. Крассом. Фактически являлось правительством древнего Рима.

17. Карнеад (214—129 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель т. н. Новой академии, представитель академического скептицизма.

18. Сципион Африканский (185—129 до н. э.) — древнеримский полководец, знаток и ценитель эллинской культуры.
19. Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.) — древнеримский политический деятель, оратор и писатель.
20. Зенон из Китиона (Кипр) (ок. 336—264 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель стоицизма.
21. Хрисипп (280 — между 208 и 205 до н. э.) — древнегреческий философ, систематизатор раннего стоицизма.
22. Критий (ок. 460—403 до н. э.) — афинский философ, оратор, писатель и политический деятель олигархического направления.
23. Диоген Синопский (ок. 400 — ок. 325 до н. э.) — древнегреческий философ-киник.
24. Эпикур из Афин (342/341 — 271/276 до н. э.) — древнегреческий философ-атомист.
25. Платон (427—347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, ученик Сократа.
26. Аристотель Стагирит (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый.
27. Пифагор Самосский (ок. 570 — ок. 500 до н. э.) — древнегреческий мыслитель, религиозный и политический деятель, основатель пифагореизма.
28. Протагор из Адберы (ок. 480 — ок. 410 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель школы софистов.
29. Гераклит Эфесский (по прозвищу "Темный") (ок. 554—483 до н. э.) — древнегреческий философ ионийской школы, сформулировавший ряд диалектических принципов.
30. Речь идет о немецком философе Георге Вильгельме Фридрихе Гегеле (1770—1831).
31. Имеется в виду Фердинанд Лассаль (1825—1864), автор книги "Гераклит Темный из Эфеса" (1857).
32. Бёрк Эдмунд (1729—1797) — английский философ, публицист и политический деятель.
33. Гамильтон Уильям (1788—1856) — шотландский философ, логик и историк философии.
34. Токвиль Алексис де (1808—1859) — французский историк, социологи политический деятель.
35. Рошер Вильгельм Георг Фридрих (1817—1894) — немецкий экономист, основатель исторической школы политической экономии.
36. Август Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 до н. э. — 14 н. э.) — римский император с 27 г. до н. э.

37. Марк-Аврелий Антонин (121—180) — римский император, писатель, философ.

38. Марий Гай (ок. 157—86 до н. э.) — древнеримский полководец, консул.

39. Помпей Гней (106—48 до н. э.) — древнеримский полководец и государственный деятель.

40. Ликург (9—8 вв. до н. э.) — легендарный законодатель Спарты.

41. Сенека Луций Анней (ок. 4 до н. э. — 65 н. э.) — древнеримский политический деятель, писатель, философ-стоик.

42. Филон Александрийский (ок. 25 до н. э. — 50 н. э. — иудейско-эллинистический религиозный философ.

43. Августин Аврелий (354—430) — епископ Гиппонский, выдающийся писатель и богослов, виднейший представитель западной патристики.

44. Асока Великий (ум. в 232 до н. э.) — царь Магадхи, ревностный последователь буддизма, объявивший его государственной религией.

45. Ессеи — общественно-религиозное течение в Иудее во 2-ой половине II в. до н. э. — I в. н. э.

46. Софокл (ок. 496—406 до н. э.) — один из величайших древнегреческих трагиков, афинский политический деятель, близкий к кругу Перикла.

47. Константин I Великий (ок. 285—337) — римский император с 306 г. В 326 г. перенес столицу в Византию, переименованную в 330 г. в Константинополь.

48. Хризостом — Иоанн Златоуст (350—407), константинопольский патриарх (с 398 г.), видный идеолог восточно-христианской церкви.

49. Имеется в виду главный труд Адама Смита "Исследование о природе и причинах богатства народов" (1776).

50. Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (ок. 160 — после 220) — христианский теолог и писатель. 51. Мелито (II в.) — епископ Сардский, автор многих теологических трудов. Канонизирован как святой.

52. Отпат (ок. 320 — ок. 392) — епископ Миле века и, автор 7-томного труда против донатистов. Канонизирован как святой.

53. Ориген (ок. 185—253/254) — христианский теолог, философ, филолог, представитель ранней патристики.